

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СПИСОК
ПРИГОВОРЕННЫХ**

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *Г. Саукова, В. Щербакова*

Серия основана в 1993 году

Иллюстрация на суперобложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Список приговоренных / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-82694-0

В своей квартире найден мертвым коллекционер раритетов, бывший заместитель министра экономики Платон Зубильский. После осмотра места происшествия и изучения результатов экспертизы полиция пришла к выводу, что смерть была ненасильственной и пожилой антиквар скончался из-за остановки сердца. Однако руководство МВД не удовлетворил этот вывод. Самые лучшие сыщики МУРа Лев Гуров и Станислав Крячко приступили к расследованию и очень скоро выяснили, что бывший чиновник был отравлен. Ключ к разгадке преступления оказался надежно спрятан среди многочисленных раритетов убитого, каждый из которых, запутывая сыщиков, хранил свою историю, свое предназначение и свою тайну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О.М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82694-0

Список приговоренных

РОМАН

Глава 1

Вечерней порой, войдя в холостяцки аскетичную квартиру Станислава Крячко — оперуполномоченного главка угрозыска МВД, да еще и полковника в придачу, его старый друг и коллега — тоже полковник, старший оперуполномоченный той же «конторы» Лев Гуров, — критически обвел взглядом приятеля и, поздоровавшись, поинтересовался:

— Ну, и долго ты собираешься сачковать?

Хозяин квартиры, одетый в светлую хлопковую рубашку с коротким рукавом и синие «треники» с белыми лампасами, меланхолично ответив на приветствие, указал гостю на кресло.

— Да вот, завтра и выйду, — пообещал он. — Больничный закрывают, так что формально я уже здоров. Сегодня ездил к хирургу. Он сказал, что осложнений не будет. Кстати, а что там эти поганцы? Их там, часом, не выпустили?

— Кто ж их выпустит, если Петро взял этот случай под личный контроль и сделает люля-кебаб из всякого, кто только попытается вякнуть насчет залога? — снисходительно улыбнулся Гуров. — Сидят как миленькие! А наш майор Артюхин — ты не гляди, что он с виду снулый — уже накопал по этим бездельникам и неуплату налогов, и мошенничество в особо крупных размерах. Так что, в любом случае, медом им жизнь не покажется.

...Чуть больше недели назад Станиславу пришлось жестко подуэлировать на кулаках с тремя чрезмерно озабоченными «чичероне», которые излишне настойчиво пытались затащить в свой «сарай на колесах» стройную длинноволосую очаровашку. Случилось это вблизи пересечения улиц Солнечной и Пармской, часу в двенадцатом ночи, когда Крячко возвращался домой на своем

ретро-«Мерседесе». Вопиющее безобразие, открыто и нагло творящееся в свете уличных фонарей, он увидел на корпоративной автопарковке большого универсама. Будучи завзятым донжуаном и женолюбом, которому отвратно проявление какого бы то ни было насилия по отношению к женщине, Стас немедленно ударил по тормозам и спешно десантировался из кабины.

Двое крепких мужиков средних лет, один из которых габаритами и физиономией напоминал исполнителя роли Терминатора, а другой — южанина, очень похожего на киношного Мимино, тащили за руки к раскрытой настежь дверце крупногабаритной «Тойоты» отчаянно упирающуюся девушку. На вид ей было лет двадцать. Смотрелась она вовсе не силачкой. И тем не менее хотя мужики, громко пыхтя и сопровождая свои потуги непечатным слогом, старались изо всех сил, процесс ее загрузки протекал гораздо медленнее, нежели они, видимо, рассчитывали. Даже третий, тоже южанин, с большущим «шнобелем», толкая пленницу в спину обеими руками, не слишком способствовал ускорению данной операции.

Стаса, поспешившего к месту ночного происшествия, несколько удивило то обстоятельство, что девушка отчего-то никого не звала на помощь и лишь сопротивлялась, пытаясь вырваться. Впрочем, это можно было объяснить тем, что поздние прохожие, старательно отворачиваясь от этой безобразной сцены, чуть ли не бегом проходили мимо. Действительно, какой в таком случае смысл орать: «Помогите!», если все равно никто не придет на помощь?!

Но он пришел, этот «донкихот» из главка МВД, преисполненный сочувствия к несчастной и жажды восстановить справедливость. Однако на его суровое уведомление: «Главк МВД! А ну, прекратили всякой херней тут заниматься!» — в ответ раздалось малокультурное, совершенно неэстетичное гыгыканье, и нагло-хамский голос уведомил:

— Главк КГБэ-э-э! Понял, да? Толай мимо, придурок, пока тебя самого не поставили в «пятую позицию».

Это уже выходило за рамки каких бы то ни было норм и приличий, даже с учетом явного перебора нахалами по части спиртного. Тут и не будучи сыщиком можно было догадаться, что эти

трое, хлебнув коньячку сверх всяких «терапевтических доз», возомнили себя несравненными силачами, неустрашимыми героями и наикрутейшими бруталами, которым и горы по пояс, и море по колено. А их коллективное «гы-гы» давало понять «всякому лоху, слабаку и лузеру», сколь ничтожно и бледно он смотрится, сколь нелепы и безнадежны его «души высокие порывы».

Понятное дело, Крячко сразу же уловил эту ноту хамоватого высокомерия и внутренне закипел не на шутку. В принципе, он и в самой малой степени не испытывал к ним чего-то наподобие ревности или зависти. Ни в коем разе! Да и ненависти, в общем-то, тоже — за свою жизнь всякой перепившей «шизы» он повидал достаточно много и поэтому к подобным остолопам относился скорее со скупающим раздражением. Например, как к назойливым мухам.

Да и с чего ему было, собственно говоря, ревновать и чему завидовать? На эту девушку он не претендовал, и, будь там все по доброму согласию, он бы и ухом не повел, проехал бы мимо, даже не оглянувшись. Ну да, дива она завидная — и милая, и привлекательная. Так что с того? У него в жизни было (и, между прочим, все еще есть!) столько романов со всякими там милыми и привлекательными, что хоть составляй их антологию. Просто Станислав на дух не переносил воинствующего паскудства, торжествующего хамства и вопиющего беспредела. Это его выводило из равновесия, и в такие моменты он испытывал то же самое, что и испанский бугай на корриде, которого раздолбаи-пикадоры начали злить, дабы он вышел из себя и погнался за мулетой.

К тому же это самое «гы-гы» более чем убедительно показывало, что с трио «крутяков» добром договориться никак не получится. Ну и ладно! Уж разбираться так разбираться! Крячко привычным жестом сунул руку за пазуху и тут же едва не заскрежетал зубами, не обнаружив там своего безотказного многозарядного «Стрижа».

«Твою дивизию! Твою зачуханную роту!!!» — мысленно помянул он одну из министерских шишек, которая, как видно, будучи одержима службистским зудом «оптимизаторства», неделю назад издала распоряжение, согласно которому сотрудники главка в нерабочее время не должны были иметь при себе табельного оружия.

Вроде того, «во всех цивилизованных странах офицеры полиции, сдавая дежурство, сдают на хранение и свой пистолет». Интересно, где он такое вычитал, этот министерский баран?!

Заметив характерный жест незваного «донкихота», внезапно напряглись и бузотеры. Несмотря на хмельные пары в мозгах, до домогателей, как видно, вдруг дошло, что этот «конь педальный» отступать не намерен, даже с учетом превосходящих сил противника. Немедленно отпустив свою пленницу, они двинулись на дерзкого чужака, который посмел на них наехать, бесцеремонно поломав намечавшийся кайф. Оказавшись на свободе, девушка тут же отбежала в сторону и, торопливо достав из сумочки телефон, быстро набрала какой-то номер.

— Полиция? Помогите! Угол Солнечной и Пармской... — заговорила она срывающимся голосом.

Но ринувшийся в ее сторону «Мимино» договорить ей не дал. Он вырвал телефон и зло грохнул его об асфальт, после чего с размаху ударил девушку по лицу. Вскрикнув, та упала, распластавшись на тротуаре. Это стало общеизвестной последней каплей в чаше терпения. Уже без каких-либо дипломатических нот и реверансов, выдав свирепое: «Получи, козел, припарку!», Станислав атаковал оказавшегося к нему самым ближним носастого брюнета. Тот, попытавшись явить некие намеки на свою крутизну, не совсем удачно изобразил длинными жилистыми руками подобие защитного блока, однако уже через секунду, после полученного в грудь резкого удара твердокаменной подошвы туфли, кувыркнулся назад, нелепо взбрыкнув в воздухе ногами.

«Терминатор», тут же подскочив к Крячко, очень четко и грамотно произвел весьма агрессивный выпад. Еле увернувшись от его хука левой и кросса правой, Стас поспешил отступить назад. Он сразу же понял, что этот соперник чрезвычайно опасен и с ним надо держать ухо востро. Тем более что метнувшийся в их сторону «Мимино» успел выхватить из салона «Тойоты» традиционный атрибут дорожных отморозков — увесистую бейсбольную биту.

Теперь положение Станислава могло серьезно осложниться. Драться сразу с двумя негодями, один из которых отменно владел чем-то наподобие кикбоксинга и джиу-джитсу, а другой вооружен

битой, было сродни полному сумасшествию. Но и не кидаться же от них наутек? Вновь резко отпрянув назад, Крячко ринулся вправо, как бы удирая за «Тойоту». Торжествуяще гоготнув: «Зассал, пабло?!» — «терминатор» бросился за ним вдогонку.

Однако его торжество было недолгим. Он так и не понял, что его соперник не убегает, а выполняет ложный маневр, за что тут же и поплатился. Внезапно развернувшийся к нему лицом Станислав провел два мощных удара кулаками в скулу и челюсть — бупс! Бупс! Казалось, опер вlepил их не в голову противника, а в боксерскую грушу, набитую опилками. «Терминатор», замерев, обалдело покачнувшись, по-бараньи выпучив глаза, тем не менее, кое-как собравшись, попытался контратаковать. Но эти поползновения были пресечены еще более жесткими ударами в голову и в правый подвздох. Напоследок издав громкое «Ик!», «терминатор», словно надломившись, неуклюже осел на асфальт и медленно повалился на бок.

Не мешкая, Крячко тут же развернулся, поскольку со спины ожидалась атака «Мимино». Он опоздал всего на долю секунды. Мелькнувшая в воздухе бита прошла точно по его левой коленке. Благо что вскользь. Если бы Стас в последний миг, по сути инстинктивно, не успел отпрянуть назад, его коленная чашечка запросто могла бы оказаться раздробленной, а сам он стал бы инвалидом. Впрочем, и этот удар по касательной оказался необычайно болезненным. Ногу, да и все тело, пронзила сильная боль, которая на какой-то миг его словно парализовала.

А расходившийся «Мимино», как видно, окрыленный своим успехом, с самодовольным «Йо!!!» снова замахнулся своей дубиной. Игнорируя боль, Крячко в последний момент выхватил из кармана своей ветровки все, что там лежало — ключи от квартиры, россыпь монет, носовой платок, — и с силой швырнул всю эту мелочовку противнику прямо в лицо. Тот, не ожидая подобного выпада, на мгновение невольно зажмурился, и это стало финалом его временного успеха — уже изготовленный им удар получился довольно-таки смазанным и даже корявым, что дало возможность Стасу отпрянуть в сторону. Ну, а третьего удара «Мимино» нанести уже попросту не смог.

Стремительно шагнув вперед, Крячко перехватил вскинутую вверх биту у самого ее основания, при этом своими крепкими пальцами прижал к рукояти дубины сжимающие ее кисти рук противника. Это разом сковало действия нападавшего. Превозмогая боль в ноге и не давая «Мимино» опомниться, Стас резким рывком повел захваченное оружие по кругу влево и вниз, скручивая этим движением руки противника в штопор.

Тот, как видно, никак не предполагал столкнуться с жесткой, напористой силой, противостоять которой оказался не в состоянии. Он попытался вырваться, судорожно дернувшись назад, однако рывок получился жалким и хлипким.

Самое жуткое в сложившейся ситуации для нападавшего заключалось в том, что, опрометчиво нанеся удар оперу по коленке, он фактически переступил грань, находясь за которой, уже нельзя было отыграть к «нулевому варианту», то есть предложить: «Мужик, давай не будем обострять! Давай поговорим!..» Теперь об этом можно было даже не заикаться! Если этот агрессивный «донкихот» не убьет или не искалечит (господи, кто бы мог подумать, что в его руках такая бешеная силища?!), то и за это спасибо...

А Стас, которому ярость придала взрывной энергии и силы, продолжая скручивать стиснутые на рукояти биты кисти рук противника, вынудил того взвыть от боли и выронить это ударно-дробящее оружие и тут же, не теряя ни секунды, коротко замахнувшись, правым кулаком нанес в челюсть «Мимино» безжалостный, нокаутирующий удар. Безвольно обвиснув, тот покорно плюхнулся навзничь.

Устало переводя дух, Крячко оглянулся в сторону девушки, которая уже поднялась на ноги и, подобрав свой телефон, с удрученным видом рассматривала его растрескавшийся монитор.

— Все в порядке? — морщась от боли, шагнул он в ее сторону.

— Да у меня-то терпимо, — скривила она губы в вымученной улыбке, так как «Мимино» разбил их своей остервенелой оплеухой. — Вот у вас, я вижу, серьезный ушиб коленной чашечки. Дайте-ка посмотрю, все же у меня среднее медицинское образование...

— Ничего, переживем! — доставая свой телефон, отмахнулся Станислав.

Набрав номер дежурного главка, он распорядился направить на угол улиц Солнечная и Пармская опергруппу из ближайшего к этому месту райотдела. Когда минут через пять прибыла патрульная машина с операми, девушка, назвавшаяся Мариной, сумев сломить отказы своего спасителя, накладывала ему на коленку компресс из подручных средств, найденных в автомобильной аптечке.

Увидев поверженное трио и выяснив, кто их сокрушитель, опера по достоинству оценили итоги схватки. Они уважительно пояснили Крячко, с кем свела его судьба. По их словам, «терминатора» звали Борис Ожирятников, он был известным в этих краях бизнесменом — владельцем крупной торговой базы строительных материалов. Впрочем, по некоторым данным, лет двадцать назад этот тип был главарем рэкетиурской группировки по кличке Боря-Брыкун. Его приятелей опера не знали, скорее всего, предположили они, те являлись компаньонами Ожирятникова.

Окинув внимательным взглядом Марину, которая заканчивала бинтовать коленку Стаса, капитан Оловянцев, старший прибывшей опергруппы, сдержанно поинтересовался обстоятельствами происшедшего. Крячко, не углубляясь в детали, вкратце пояснил суть стычки. Выслушав его, тот укоризненно спросил девушку:

— Марина, ты же сейчас здесь была «на работе»? Если «работала», то с какой стати устроила представление — такой вот «сеанс невинности»? Видишь, чем все закончилось? Пострадал сотрудник главка МВД. А чего, и, главное, кого ради?

Та, отчего-то сникнув, поспешила завязать концы бинта и сразу же молча отошла в сторону.

— Марина, не убегай! — глядя ей вслед, строго проговорил капитан. — Ты еще нужна! Протокол-то вместо тебя кто подписывать будет?

— Что там, что там насчет ее «работы»... — Крячко вопросительно взглянул на старшего опергруппы.

Тот, досадливо поморщившись, скороговоркой вполголоса пояснил, что эта нежная юная нимфа, уже не раз засветившаяся в базе данных местного РОВД, — проститутка-индивидуалка Марина Малинина, или, как ее именовали постоянные клиенты, Маринка-Малинка. Поэтому-то капитан и поинтересовался

причинами того, что она вдруг начала привередничать в выборе клиентов и этим спровоцировала драку.

Украдкой поглядывая в их сторону, девушка, как видно, догадывалась, о чем идет разговор. Поймав взгляд Стаса, она поспешила отвернуться.

В ходе оформления протокола окончательно пришедшие в себя «крутяки» были крайне ошарашены, узнав, с кем им довелось «помахаться». «Мимино», назвавшийся Гасаном Эминовым, предпринимателем из Электростали, представился как компаньон и друг Ожирятникова. Вину за случившуюся потасовку он категорично переложил на Марину. По его словам, «эта девка» сама напросилась на то, чтобы они ее «сняли», однако ее не устроила цена, и в последний момент «эта коза неумная» попыталась их «продинамить».

Второй южанин, Фархим Абазулов из Клина, особо подчеркнул, что заявление Крячко о его принадлежности к структурам МВД они приняли за «разводиловое для лохов».

— Да сейчас в подземном переходе можно купить любое удостоверение. Хоть самого министра! — митинговал он, потрясая перед собой руками, соединенными браслетами наручников.

Но самым непримиримым оказался Ожирятников. Испытывая конфуз перед своими приятелями, он бушевал и кипятился, грозя связями во власти и даже судом в Страсбурге.

— ...Это позорище беспредельное! Из-за дешевки, какой-то там проститутки, троих уважаемых людей сначала избили, а потом, даже не оказав медицинской помощи, заковали в браслеты?! Это беспредел!.. — горланил он на всю округу.

Не согласился Ожирятников и с показаниями Марины, которая заявила, что «эти трое садистов» на днях с этого же самого места насильно увезли ее знакомую, которую, после извращенческих утех, жестоко избили и, не рассчитавшись, выбросили на улицу. В данный момент с переломом носа и травмами внутренних органов та находится в реанимации.

— Брехня! — категорично заявил Боря-Брыкун и ехидно поинтересовался: — Но если это сделали мы, то почему же на нас нет ее заявления в ментов... То есть в полицию?

— Потому что вы пригрозили разделиться с ее ребенком! — запальчиво ответила девушка, с ненавистью глядя на «терминатора». — Будь спокоен — уж теперь-то она точно напишет!

Когда формальности были завершены и протокол подписан, а всех троих любителей «клубнички» загрузили в отсек «уазика» для задержанных, Марина неуверенно, бочком приблизилась к Станиславу.

— Я приношу извинения за то, что все так вышло... Я понимаю, вы разочарованы тем, что вам пришлось схватиться с этими уродами из-за какой-то шлюхи... — кусая губы, заговорила она, но он ее сразу же перебил:

— Слушай, давай без этих терминов... Хорошо? Тебя подвезти? Ты далеко живешь? А то, я вижу, ты сейчас в полном неадеквате, чего доброго, еще куда-нибудь вляпаешься.

Неопределенно пожав плечами, девушка сказала, что проживает в получасе езды на автобусе, на улице Тополевой. Стас приглашающим жестом указал на своего «мерина» и, прихрамывая, зашагал к машине. Его коленка заметно распухла и почти не сгибалась.

Сев в кабину и глядя перед собой, Марина как бы про себя произнесла:

— Можем поехать к вам... Я вам обязана, может быть, даже жизнью. Поэтому... Вы вправе получить то, что захотите.

Хмуро усмехнувшись, Крячко уведомил, что, хоть он вовсе не монах и к женщинам относится более чем приязненно, в подобной ситуации воспользоваться ее предложением было бы сущим моветоном. Да и вообще, с учетом ушибленной коленки ему сейчас не до каких-то там нежностей. При этом особо выразил свое недовольство родом ее занятий:

— Как тебе не противно ложиться под таких вот пьяных, потных кабанов, как эти три охламона? — брезгливо поморщился он. — А бывают ведь еще и похуже... Что за хрень у нас творится, если молодые, здоровые, красивые по собственной воле толпами идут на эту гребаную панель, где их и калечат, и даже убивают?! Да, пусть этого и не случилось, все равно ведь — жизнь под откос.

— Ну, почему же — под откос? Кое-кому, бывает, везет... — чуть слышно произнесла Марина.